

О психологических факторах в исторических процессах

**Виктор Александрович
ВОЛКОНСКИЙ**

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: volk-econom@rambler.ru

Аннотация. Одна из ключевых движущих сил истории и развития ее субъектов (народов, социальных слоев, отдельных деятелей) – функционирование и развитие их индивидуальных и коллективных психических систем. Психологические факторы оказывают серьезное влияние на экономические процессы (установка на увеличение или сокращение потребления или вооружения, готовность к риску и пр.), на устройство общества и т. д. Но в исторических исследованиях, особенно в российской исторической науке, этому фактору обычно уделяется недостаточно внимания. Причиной является недостаточная разработанность многих проблем социальной психологии, а также недостаточное знакомство научной общественности с этой тематикой. В западных странах уже в течение нескольких десятилетий развивается научное направление психоистория, цель которого – изучение взаимодействия исторических процессов с процессами развития индивидуальной и коллективной психики. В статье показана роль таких факторов, как психологические установки и типы, в частности типы пассионариев, новаторов и консерваторов. Рассматривается способность концентрировать и подчинять большую часть состояний и функций психики единому центру, высшему смысловому принципу, доминирующей установке – способность, лежащая в основе религий и иных идеологических движений. Исследовано взаимное влияние психологических установок и «общеисторических» систем (производственно-технологических, социально-экономических, институциональных, нравственных) в эпохи христианства, Нового времени, современности. Различия между западной и российской цивилизациями рассматриваются на основе различия характерных черт их психологических

Для цитирования: Волконский В.А. (2026). О психологических факторах в исторических процессах // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 3. С. 9–29. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.1

For citation: Volkonsky V.A. (2026). On psychological factors in historical processes. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(3), 9–29. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.1

систем. Психоисторические исследования имеют значение не только для теории. Они могут и должны стать важным инструментом при разработке стратегических планов и прогнозов в таких областях, как социально-экономическая сфера, образование, оборона, геополитика.

Ключевые слова: власть, война, новаторы, консерваторы, пассионарии, доминантная установка, эпоха Модерна, идеология превосходства, производственно-технологический прогресс, человечность.

Введение (общее течение истории и психологические факторы)

Подходы к структурированию истории во времени и пространстве, к описанию процессов и событий в общих терминах абстрактной модели, как правило, ограничиваются процессами и понятиями социально-экономическими, производственно-технологическими, отношениями прав и обязанностей, институтами власти и управления. Редко и мало используются представления и система категорий, выработанных психологией, хотя все перечисленные системы знаний представляют интерес, в первую очередь с точки зрения восприятия, оценки, реакции человека, т. е. его психики, индивидуальной и коллективной. Препятствиями для использования психологии в исторических исследованиях являются недостаточная разработанность социальной психологии и недостаточное знакомство научной общественности с этой тематикой.

Значимый вклад в рамках преодоления этих барьеров внес Л. Гумилев, введя в исторические исследования и систематически учитывая психологический тип пассионариев. В США и Западной Европе эту роль выполняют представители научного направления психоистория (подробнее — в следующих разделах статьи). В связи с существованием названных препятствий в первой части статьи приходится подробнее, чем хотелось бы, излагать содержание психологических факторов, взаимодействующих с факторами исторического развития.

Современный человек относится к своей жизнедеятельности как к целенаправленному процессу, в котором достижением служит расширение возможностей человека и сообществ, оцениваемых в связи с их потребностями. Наше представление об истории — это, в первую очередь, множество исторических субъектов, взаимодействующих друг с другом, и процессов их жизнедеятельности (возникновения, развития,

угасания). Исторические субъекты — это сообщества, создающие свою культуру, духовно-идеологическую (ценностно-смысловую), экономическую, политическую, военную системы, это страны, народы, цивилизации. Процессы и факторы, независимые или слабо зависимые от решений и действий систем управления субъектами, — это природные процессы и географические факторы, научно-техническое и культурное развитие, рост производства и изменение отраслевой структуры, создающие материальные условия жизни и другие аспекты складывающихся ситуаций.

В настоящей статье специально выделим те факторы, которые составляют психическую систему индивидов и коллективов. Это факторы, обеспечивающие единство общества, причины его расколов и других исторических процессов, включая установки коллективного сознания общества, или его активных слоев, или сознание харизматических личностей. В работах историков поведение личностей и сообществ часто описывается только как рационально осознанное поведение, хотя психологи хорошо знают, что психическая система, функционирование которой определяет поведение человека, гораздо сложнее, чем ее часть, называемая сознанием. Управляющие системы субъектов отвечают на сложившиеся и ожидаемые ситуации своими решениями и действиями.

Результат всех этих процессов будем называть общим течением истории (или общеисторическими процессами). Участвующие в нем психические факторы представляются лишь малой частью общей картины. Думаю, такое представление есть недооценка этой части исторических процессов, так как к ней относятся все ценностные, смысловые, информационные стороны жизнедеятельности человечества, все мотивации поведения людей. Причиной недооценки служит недостаточное взаимодействие двух областей науки (и недо-

статок интереса к психологии в обществе) — теоретической психологии и историографии. Между тем расширение и углубление такого взаимодействия необходимо не только для развития научных дисциплин. Знания о взаимном влиянии истории и психологии должны играть важнейшую роль при разработке экономических и политических прогнозов и стратегий, решении проблем воспитания и образования и т. д. Цель исследования — внести авторский вклад в развитие теории и представлений о сути и значимости проблем взаимного воздействия исторических и психологических процессов, которые в настоящее время явно недостаточны, однако играют важную роль для понимания механизмов развития истории; политических, экономических, общественных событий, происходящих как на глобальном, так и на национальном уровне. В странах Запада давно появилось научное направление под названием психоистория (правда, оно не охватывает ряд важных аспектов данной проблемы).

В США и странах Западной Европы был период, когда на базе изучения взаимного влияния исторических и психологических процессов сформировалась и бурно развивалась новая научная дисциплина — психоистория. В сорокалетие с конца 30-х до конца 70-х годов XX века число научных статей, защищенных диссертаций по этой тематике увеличилось в десятки раз. Появились научные общества, регулярно издающиеся журналы, при Бостонском Университете создан Институт психоистории (руководитель Ллойд де Мауз). Однако с 1980-х годов (и до настоящего времени) рост этого направления угасает.

В российской науке ничего подобного расцвету психоистории не было, хотя известные ученые (например, А.Г. Асмолов, С.В. Григорьев, А.И. Фурсов и др.), конечно, изучают взаимное влияние истории и психологии.

Внимание психоисториков концентрируется в первую очередь на формировании поведения человека под воздействием факторов, исследуемых историей, социологией и другими общественными науками. Основные области исследований:

— влияние условий жизни в детском возрасте, системы и стилей воспитания;

— исследование биографий представителей разных культур, слоев общества, периодов истории;

— влияние на человека группы, большого сообщества, к которым он принадлежит.

В работах психоисториков часто применяются методы психоанализа Фрейда, категории психологических типов и установок почти не используются. В нашей статье рассматриваются также другие факторы, внимание больше направлено на исторические процессы и тенденции, причинами которых служит функционирование коллективной психической системы.

В статье исследуется имеющийся в распоряжении современной науки инструментарий для определения комплекса психологических факторов, которые оказывают серьезное влияние на исторические процессы в конкретных обществах в конкретные периоды их развития.

Наиболее наглядная часть картины, или модели истории похожа на дарвиновскую модель эволюции биологических видов, родов, семейств. Это теории и модели этногенеза и развития цивилизаций (Н. Данилевский, А. Тойнби). Возникновению и развитию этноса или цивилизации в духовно-интеллектуальной сфере соответствует развитие феноменов культуры, ценностно-нравственной системы, включая национальные, патриотические стимулы жизнедеятельности, характерные черты ментальности, — всё, что обеспечивает ощущение единения индивидов, идентифицирующих себя с данным сообществом и свое отличие от других сообществ.

В процессе этногенеза часто происходит взаимное проникновение и смешивание культур соседних этносов, сближение их институциональных систем и в конце концов их слияние и укрупнение. Образуются суперэтносы. В последнее столетие главным фактором, определяющим важнейшие черты истории, стало противостояние, или противоборство (порой обостряющееся до горячих войн) суперэтноса, реализовавшегося в странах «коллективного Запада», объединенных идеологией мировой гегемонии во главе с США, и ассоциации стран, готовых противостоять этой установке Запада и формирующих коалицию с идеологией многополярного мира (МПМ). Будем называть это *цивилизационным противостоянием*.

В последние десятилетия интенсивно развиваются концепции, исследующие механизмы развития и взаимодействия стран и других больших сообществ. Обобщающей концепцией служит теория стратегических преимуществ, определяющих развитие и закономерности работы таких механизмов. Ее наиболее продвинутой и полной версией отражена в статьях Е.В. Балацкого (Балацкий, 2021b; Балацкий, 2024). В них также осуществлены подробный обзор и критическое изложение предшествующих концепций. В качестве стратегических преимуществ рассматриваются такие хорошо измеримые параметры, как численность населения страны, размер территории, уровень экономического развития (объем ВВП и душевой ВВП). Но, кроме этого, показаны возможность и необходимость учитывать такие трудно измеримые факторы, как уровень научно-технологического развития, военный потенциал и др.¹ В работе (Екимова, Гаганов, 2024) определено, что в современной истории важнейшую роль играют также суверенитет государства и его способность принимать участие и создавать геополитические альянсы. Это научное направление есть изучение объекта, который выше был назван общим течением истории.

Закончим этот раздел статьи иллюстрацией значимости психологических факторов, воздействие которых на историю сопоставимо с воздействием факторов экономических и политических. Сравним две российские революции (или переворота) — 1917 и 1991 гг. В первой главными движущими силами были факторы экономические — крестьяне (80% населения) с глубокой психологической установкой (в сознательном и бессознательном) на владение землей для ведения собственного хозяйства, и пролетариат, требующий улучшения социальных условий. Имелась и идеология — марксизм и ленинская теория о союзе рабочего класса и крестьянства. Идеология, хорошо отражающая роль экономических факторов, но главное — способная воздействовать на коллективные психологические установки и поведение.

В горбачевской перестройке и ельцинских реформах ведущую роль играли политические

и идеологические факторы, связанные с психологией узкого слоя партийно-государственной верхушки, а также с социально-психологическими установками плохо организованных массовых выступлений. Теории, учитывающей психологические проблемы и пригодной для руководства этими процессами, у российских общественных деятелей не было (человек часто гораздо лучше знает внешний мир, чем собственную психику). Зато такая теория уже существовала на Западе — теория «ненасильственного сопротивления» Джина Шарпа, которая легла в основу всех «цветных революций». Следовательно, необходимо изучать социальную психологию! А в 1985–1991 гг. в СССР часть правящей элиты, уверенная, что страна может мирным путем войти в западную цивилизацию (такую привлекательную!), занималась не социальной, а индивидуальной психологией. Группа Яковлева искала (и находила) способы укрепить у Горбачева уверенность в «единстве и неразрывности мира» (Востока и Запада). Известный историк Е. Спицын рассказывает, как эта группа вела психологическую обработку старейшего члена Политбюро А. Громыко и устанавливала связи с членами ЦК, обеспечивая избрание Горбачева генеральным секретарем. После избрания группа Яковлева старалась сделать психику Горбачева все более «пластичной», чтобы он осмелился принять план Перестройки².

Способность концентрации психики. Доминантная установка

Среди психологических факторов, влияющих на ход истории, одним из наиболее значимых является потребность и способность человеческой психики подчинять большую часть своих функций и состояний определенной установке, единому центру, высшему ценностно-смысловому принципу. Если речь идет о коллективной психике общества, этот центр или принцип будем называть общественной *психической доминантой*. Это свойство в разной степени выражено у разных индивидов и в структурах коллективной психики различных сообществ. Для индивидуальной психики такой установкой или принципом могут быть личные

¹ В набор стратегических преимуществ стран и народов, конечно, должны быть включены и социально-психологические факторы.

² Спицын Е.Ю. (2025) Проект «Горбачев». Как «прорабы» перестройки захватили власть в СССР: интервью газете «Завтра» // Завтра. № 14.

интересы, не связанные с проблемами общества. Но если у значительной части членов общества появляется концентрация психики с единым, или хотя бы близким по смыслу, надличностным центром (доминирующим принципом, идеей), это создает мощный потенциал обеспечения единства сообщества, его развития, усиления, активизации. Такое состояние общества будем называть *субъектностью*.

Состояние коллективной концентрации у каждого народа, как правило, возникает и распространяется на все общество в периоды войны или другой опасности для общества. Появляется психологическое состояние мобилизации, смысловой вершиной, доминантой становится патриотизм, преданность отечеству — национальным традициям, культуре, обычаям. Доминирующая в обществе психологическая установка оказывает влияние на исторические процессы, конечно, не только в периоды войн и революций. Чертами психической системы субъекта могут быть отношения к другому народу — отношения устойчивой эмпатии или враждебности, установка на расширение территории или превосходства в экономикотехнологической и военной сферах.

Подчинение сознания единому принципу требует в качестве основы этого принципа наличия более или менее устойчивого комплекса идей и установок, т. е. картины мира и ценностно-смысловой системы с выделением ее «вершины». Эти феномены, как правило, присутствуют в коллективной культуре и коллективной психологии достаточно большого сообщества и составляют содержание его идеологии, которая становится психической доминантой. Мы будем использовать понятие идеология в широком смысле, включая в него и религиозные учения. Однако основы доминирующей системы установок и принципов часто коренятся в коллективном бессознательном и остаются неосознанными для большинства членов общества (при этом система доминирующих принципов нередко оказывается противоречивой и нерациональной с точки зрения интересов общества). Важной чертой социально-психологической системы религий и идеологий является наличие группы людей, носителей данной надличностной установки, для которых ее ценностно-смысловая значимость оказывается более высокой,

чем интересы и потребности собственной личности, собственного эго. Это элита общества или ее часть.

Доминирующие установки, оказывающие наиболее глубокое и, главное, долгосрочное влияние на историю, — это мировые религии и иные духовные движения (идеологии), которыми обозначают целые эпохи. Для обозначения состояния концентрации коллективной психики таких сообществ, где доминирующей установкой является идеология или религия, будем заменять категорию субъектность терминами духовность или идейность. Следует отметить, что для большого количества людей приобщение к надличностной установке, выражающей субъектность сообщества, является настоящей потребностью, часто даже более сильной, чем потребности биологические. Это подтверждается, в частности, Л. Гумилевым в описаниях пассионарных личностей.

В работе (Волконский, 2025a) идеология (включая религии) представлена как двойственная структура. Комплекс функций и состояний психики сторонников данного идеологического учения (верующих), функций, так или иначе связанных с этим учением, не полностью осознаваемых и обладающих разной силой влияния на поведение членов общества и групп, называется *глубинной идеологией* (ГИ). Для формирования политики государства, для воспитания следующих поколений нужна интеллектуально формализованная система представлений, правил мышления, поведения, ценностно-смысловых установок. Государство (или иные властвующие группировки) разрабатывает *интеллектуально формализованную идеологию* (ИФИ). ИФИ в значительной части относится к сфере сознания, ГИ — в большей части к сфере бессознательного.

В книге (Тодд, 2024) цикл развития идейности представлен в виде трех фаз, или этапов (на примере протестантизма, национализма и других исторических феноменов): активная, инертная и фаза «обнуления, духовного вакуума». Идет дробление, распадение единства общества. Идейность может оказывать серьезное влияние на состояние общества не только на этапе активности, но и на этапе инертности. Примеры: период реформации в Западной Европе, культурной революции в маоистском Китае (Тодд, 2024).

Первичными формами идеологий были монотеистические религии, которые создавали условия для глубокой и долгосрочной веры. Главным отличием религии от современных нерелигиозных идеологий является выделение части психики и связанных с ней внешних объектов и обрядов, которые наделяются особым качеством сверхъестественного и сакрального. Оно выполняет роль защиты и долгосрочного сохранения сложившихся религий.

Историческое значение всех великих религий состоит в первую очередь в постановке и реализации задачи преобразования психики человека, комплекса его установок и влечений, создания внутренних, субъективных влечений и установок в соответствии с правилами идейного мировосприятия и поведения. Циклы развития религий расширяют и усиливают роль в обществе интровертного психологического типа (в наибольшей мере это относится ко многим сектам протестантизма). Однако, возможно, следует говорить о существовании самостоятельного психологического типа людей, predisposed к идейности.

Необходимо заметить, что экстравертный тип с его приверженностью к эмпирическому восприятию действительности не в меньшей степени, чем интроверты, наделен способностью к религиозной вере, к подчинению своей психики высшей смысловой установке. К. Юнг пишет: «Недостаток благоговения перед „вечными“ идеями эмпирик заменяет, так сказать, религиозной верой в реальный факт» (Юнг, 1997, с. 382). У всех народов можно выявить длинные родовые, связанные наследственностью цепи (династии) священнослужителей, которые, не прерываясь, проходят через много поколений и через эпохи доминирования в обществе различных религиозных систем. В антирелигиозные периоды представители таких династий переходят к другим формам умственной деятельности, требующим близких психологических качеств. Эти факты позволяют сделать предположение, что потребность в подчинении психики высшей смысловой установке и способность к религиозной вере выделяет определенный психологический тип.

Подтверждением значимости психических доминант для истории служит тот факт, что

культуры и суперэтноты или длительные эпохи их развития получают в качестве названий имя доминирующих в них психических установок: цивилизации либерализма или государственности, эпоха накопления капитала, эпоха колониализма. Наши знания истории позволяют структурировать ее «в пространстве» и во времени, т. е. разделить множество субъектов истории по комплексам характерных черт на группы. Наиболее плодотворным в настоящее время можно признать объединение субъектов истории в цивилизации. Это структурирование «в пространстве». Время развития каждого субъекта (страны, цивилизации) делится на содержательно различающиеся периоды, этапы развития. Это структурирование во времени. При исследовании разных исторических проблем, естественно, могут рассматриваться периоды самой различной длительности.

Аналогичной структурированной картины психического мира Человека пока нет. Однако ее создание можно считать важной проблемой, к которой движется наука. *Разработано несколько подходов (моделей, типологий) к структурированию, группировке черт, или свойств, психики. Как правило, в психологической науке предметом исследования служит психика индивида, личность. Значительно меньше изучены свойства коллективной психики сообществ, живущих и действующих на протяжении длительного времени.*

Направления в психологии, необходимые для развития психоистории

Один из подходов к классификации потребностей, способностей и функций психики основан на их роли в жизни человека. Такую классификацию представил еще И. Кант в «Критике чистого разума» (1790 г.). В глубоко проработанном виде результаты такого выделения психологических факторов и их значения для жизнедеятельности человека представлены, например, в работах (Леонтьев, 1983; Костин, Голиков, 2017). Авторы выделяют три функции психики: когнитивную (познавательную); релятивную — дающую оценку (положительную, нейтральную, негативную) воспринятой информации; регулятивную — иницирующую и организующую активность субъекта.

В сущности, основы теоретической психологии заложил К. Густав Юнг. Он описал фено-

мен *коллективного бессознательного* и исследовал *психологические типы и установки*, создав предпосылки для изучения континентов людей — носителей соответствующих черт психики и их роли в исторических процессах (Юнг, 1997, разд. X, XI). Важнейшим открытием является теория коллективного бессознательного и архетипов (Yung, 1967).

Юнг уделяет большое внимание состоянию психики, которое получило название *установка*. Установка — это готовность психики (предрасположенность, склонность) воспринимать и интерпретировать получаемые сигналы в определенном направлении и действовать в соответствии с этим восприятием. Установка может быть сознательной или бессознательной, или той и другой одновременно. Можно говорить об установке отдельного человека. Но для исторических исследований обычно важнее установки, характеризующие большие сообщества. Примером является капиталистическая установка, требующая от предпринимателей выбора действий и приложения усилий к постоянному увеличению капитала. Комплекс коллективных установок порождает доминирующая в обществе идеология. Наиболее распространенные устойчивые установки, по существу, присущие каждому из людей, — возможность соотнесения, идентификации себя с большим сообществом, в первую очередь с народом, нацией, государством.

Едва ли не главным шагом в освоении психики как системы и в развитии социально-психологического направления является разделение психологических факторов поведения отдельных людей и сообществ на сознательные и бессознательные, а также понимание важной роли бессознательных функций и состояний психики. Доминирование системы смыслов капиталистической эпохи приучило объяснять поведение исторических деятелей и сообществ их интересами (в первую очередь экономическими). Большая часть *действий* людей, имеющих историческое значение (решения управленцев, участие в коллективных процессах, организованных или хаотических), связана с психическими функциями сознания. Однако это далеко не всегда так. *Доступ к сознанию* тех вызовов, воспринятых сигналов, которые порождают действия, в значительной мере опре-

деляется опытом, накопленным ранее, который хранится в бессознательном. Изучение проблем социальной психологии показало, что бессознательное играет важнейшую роль как причина и направление сознательного поведения в развитии культуры, морали, институциональных систем.

Однако это только часть бессознательного, его функционирования, в частности как хранилища накопленного опыта — памяти. Память об исторических событиях и процессах фиксируется и хранится в продуктах общественного сознания, в основном в предметах, внешних по отношению к живой индивидуальной психологической системе: сказаниях, легендах, песнях, материальных объектах, таких как рукописи, книги, живопись, архитектура. В живой индивидуальной психике память сохраняется в резервуарах бессознательного. При этом, согласно концепции Юнга, в них могут храниться структуры, возникшие как во времена доисторической эволюции наших предков, так и в исторические времена³.

Длительность тяжелых войн и возникновение устойчивого чувства ненависти между этносами доказывают, что причинами исторических событий часто бывают *надличностные*, коллективные социально-психологические состояния, базирующиеся в коллективном бессознательном (см. также раздел о новаторах и консерваторах). Аналогичное воздействие устойчивых установок коллективного бессознательного обнаруживается в сохранении традиционных экономических связей между населением соседних государств, несмотря на радикальные изменения политических отношений между государствами.

Феномен коллективного бессознательного и архетипов стал более доступным для понимания неспециалистами, когда была хорошо изучена система инстинктов, которые у большинства животных практически полностью определяют их поведение, а у людей играют

³ На содержание бессознательного в индивидуальной психике глубокое воздействие оказывает опыт, полученный в детском возрасте, и, соответственно, система и стиль воспитания. Результаты этого воздействия часто определяют черты психики на всю жизнь. Как уже отмечалось, фактор детского воспитания является одной из главных проблем исследований психоисториков.

меньшую, но всё же значительную роль (как в действиях, так и в других психологических процессах). Инстинкты, безусловные рефлексы определяют как индивидуальное поведение, так и коллективное, «наиндивидуальное координированное поведение» (Гумилев, 1993, с. 514) сообщества животных (стаи, колонии, стада, вида). Это стайные или стадные инстинкты. Исследованию системы инстинктов у животных и людей (и их сопоставлению) посвящены работы известного специалиста по поведению животных К. Лоренца⁴.

Сейчас имеется большое разнообразие *теорий потребностей и мотивации* (см., например, Леонтьев, 1971). Но практически всегда ссылаются на знаменитую работу американского психолога А. Маслоу «Мотивация и личность» (издана в Нью-Йорке в 1954 г.), где, наверное, впервые дано исключительно подробное исследование потребностей и представлена их иерархия. Низшие, или базовые, потребности, как правило, формируются в бессознательных частях психики, затем осознаются и порождают целенаправленную деятельность. Потребности более высокого порядка могут возникать в результате осознания индивидуального или коллективного опыта (начиная с детского воспитания) и затем закрепляться в разных отделах бессознательного.

В работах Э. Тодда (Тодд, 2025) и Е.В. Балацкого (Балацкий, 2024) предложена модель поэтапного развития институциональной системы общества на первых этапах возрастания и затем угасания его социальной и экономической активности. При этом выявляется парадоксальная связь показателей общественно-экономической активности (в частности, темпов экономического роста) с уровнем общественного производства и благосостояния. Естественной представляется положительная зависимость общественно-экономической

активности от уровня производства и благосостояния: его повышение связано с возможностями для всё большего числа членов общества найти место эффективного приложения своего труда, получить хорошее образование и т. д. Парадокс в том, что в большинстве развитых стран после достижения определенного уровня благосостояния его уровень продолжает расти, но темпы роста общественной активности неуклонно снижаются. Этот феномен подтверждается многочисленными статистическими данными (Балацкий, 2025).

Вполне естественно объяснять повышение общественной активности как ответ коллективной психики на неудовлетворенные потребности и снижение активности — всё большим их удовлетворением. Возникает вопрос: неужели экономико-технологический прогресс неизбежно должен приводить общество к упадку активности? Этот вопрос касается как психологии, так и экономики, и по существу — всех гуманитарных наук. Первый шаг состоит в том, что рост благосостояния ведет к удовлетворению потребностей, низших по иерархии Маслоу. Высшие потребности вовсе не обязательно оказываются удовлетворенными. Изучение этих высших потребностей и их взаимосвязей с общественной активностью, несомненно, остается важным направлением развития психологии и всех наук об обществе.

К настоящему времени в психологии накоплен значительный запас инструментов, позволяющих описать психику личности небольшим числом понятий, но значительно более детально и конкретно, чем категориями Юнга. Одно из таких направлений — *типология личности*. Это работы по выявлению (и описанию) небольшого числа типов личности, охватывающих большую часть населения. Другое, близкое к нему направление ставит задачу выявления небольшого числа базовых черт психики, сочетание которых позволяет создать универсальную модель личности, дающую возможность описывать любой из существующих типов. Второе направление получило название «Большая пятерка» — по числу базовых черт личности. Теория изложена, например, в книге (Первин, Джон, 2000). Ниже покажем на примерах, что изученные психологами типы личности и базовые черты психики могут быть использованы

⁴ Рекомендую его книгу «Так называемое зло. К естественной истории агрессии», посвященную внутривидовой агрессии. Лоренц делает следующие выводы: «Агрессия может допустить ошибку и при этом уничтожить жизнь. Но ее предназначение в великом становлении органического мира — творить добро». «Избыточная агрессивность, которая сидит у нас, людей, в крови, ... является результатом внутривидового отбора, действовавшего на наших предков десятки тысяч лет» (Лоренц, 2008).

как факторы, определяющие развитие исторических процессов. К сожалению, цели, которые здесь ставятся, обычно не связаны с проблемами истории и философии, а остаются, как правило, в рамках психологической науки и медицинской или производственной практики.

В работе Э. Шпрангера представлен тип личности с названием «политический человек», который характеризуется потребностью власти, доминирования и способностью влияния на окружающих (Spranger, 1921). Степень и формы выраженности этого свойства психики резко различаются у разных личностей, национальных культур, цивилизаций. Оно, как правило, связано с готовностью к подчинению, с потребностью принадлежать к властной группировке, обладающей большим влиянием в обществе.

Другой тип личности «экономический человек» характеризуется Шпрангером аналогично описанию базовой черты «доброжелательность» в «Большой пятерке». Выделяются склонность к созданию в межличностных отношениях деловой атмосферы, взаимного доверия и сотрудничества, целью деятельности является получение пользы. Увеличение доли членов общества или активной элиты, обладающих этими качествами психики, следует учитывать как важный фактор развития рыночных отношений.

Пассионарии

Образцом анализа взаимодействия исторических и психологических процессов является введение Л. Гумилевым в исторические исследования социально-психологического фактора — пассионарный тип человека (Гумилев, 1993). Вопрос о происхождении пассионариев остается дискуссионным, как и вопрос о наследственной передаче психологических черт этого типа личности. Но историческая роль этого множества личностей подробно исследована Гумилевым как один из главных факторов этногенеза. Пассионарии выделяются избытком энергии и потребностью участвовать в постановке общественно значимых целей и в их реализации.

Теории и модели эволюции цивилизаций и этногенеза достаточно хорошо выявляют структуру исторического развития в масштабах временных периодов, соизмеримых с этапами жизни этноса — по несколько столетий или даже тысячелетий. Современный мир развивается с гораздо большей скоростью, чем прежде.

Глубокие перемены в его экономико-технологических, политико-идеологических, институциональных структурах происходят каждые полсотни, а то и каждый десяток лет. Перемены захватывают как узкие слои властвующих элит, приводя к «смене кадров», так и широкие массы. Трудно представить эти перемены без ведущей роли в них пассионарных групп. Всё это свидетельствует, что их роль и ее изменчивость должны быть рассмотрены более подробно.

Согласно диалектике (по Гегелю), сообщество, общественный слой определяется сопоставлением со своей альтернативой. Такую альтернативу Л. Гумилев описывает как людей гармоничного типа, «энергоуравновешенных». Это люди, которые хорошо адаптируются к складывающимся условиям жизни, политической, экономической, институциональной обстановке в обществе. Они, как правило, не проявляют склонности к повышенной целенаправленной общественной активности. Пассионарии — активная часть общества, гармоничные люди — пассивная часть.

Гумилев и другие историки, наблюдая периоды повышения общественной активности этнических и иных коллективов, связывают его с увеличением численности пассионариев и ростом их миграционной, природообразовательной, военной, экономической и пр. активности (пассионарная напряженность). Критики Гумилева подвергают сомнению теорию возникновения пассионарных особей в результате воздействия колебания космического поля и иных факторов, не связанных с человеческой деятельностью. В качестве альтернативной концепции можно постулировать наличие постоянной доли особей, генетически способных к пассионарной активности, но большая часть которых из-за неблагоприятной исторической ситуации не смогла реализовать свои способности и стремления (потенциальные пассионарии). Гумилев приводит примеры изменения настроения и поведения людей в присутствии даже малого количества пассионарных личностей, которые передают окружающим свои поведенческие установки, свою повышенную активность и энтузиазм, вызывая «обвал» пассионарной напряженности. Гумилев использует термин «пассионарная индукция». Возможно, дело не в *появлении* новых пассионариев, а в их *проявлении* (пробуждении).

Другой вариант концепции: период «пассионарной напряженности» возникает не в результате увеличения числа пассионариев, а в результате того, что массы пассивных личностей под влиянием индукции перенимают стремления и поведенческие установки пассионариев (индукция — влияние пассионарных личностей на окружающих, термин Л. Гумилева). Во время войн пассионарным полководцам с небольшой группой патриотов нередко удавалось вести за собой войска, состоящие в основном из гармоничных личностей. Многие из них становятся настоящими пассионариями.

Новаторы и консерваторы

Многу обращено внимание на многочисленные примеры наглядного различия периодов, характеризующихся большим количеством исторически значимых перемен, и периодов устойчивости и стабильности (Волконский, 2025b). В моей работе они названы эпохами перемен и эпохами стабильности⁵. Предлагается гипотеза о существовании двух психологических типов, или групп людей с достаточно устойчивыми психологическими установками: одна из них «заряжена» на глубокое, многостороннее изменение общества, общественно-го устройства — это новаторы; другая — люди, главной установкой и целью которых является устойчивость общества, стабильность общественного устройства — это консерваторы.

В той статье допущена ошибка — замена термина «новаторы» термином «пассионарии». Название периода перемен эпохой пассионариев — правильно, а для группы новаторов такая замена неприемлема. Не только новаторам, но и консерваторам для реализации их общественных целей бывают необходимы пассионарии с их мощной энергией. В таких ситуациях среди пассионариев могут оказаться люди как с установкой новаторов, так и консерваторов. В эпоху перемен часто идет борьба за доминирование и власть между новаторами и консерваторами. Примером служит современный период перемен в США 2024–2025 гг., приход к власти Дональда Трампа и его борьба с «глубинным государством». Установка Трампа и его коман-

ды на возвращение Америки к традиционным принципам общественного устройства свидетельствует о консервативном характере его и его сторонников. Идеология и политика демократов в период президентства Обамы и Байдена — это установка на создание целой «культуры отмена», отказа от большинства «устаревших» идеологических ценностей, моральных и юридических норм и ограничений во имя «Нового» мирового порядка. Сложившийся раскол элиты (а вероятно, и всего общества) ясно демонстрирует полезность использования для психо-исторического направления исследований психологических типов консерваторов и новаторов.

К категории новаторов относятся революционеры и реформаторы, а также ученые и деятели культуры, деятельность которых связана с поиском новых проблем и направлений, открывающих новые возможности для человечества. Во внешнеполитической и военной сфере деятельность новаторов носит наступательный, а не оборонительный характер. Доминирование психологического типа новаторов в обществе или в тех или иных секторах, как правило, инициирует и поддерживает прогрессивные исторические тренды. В то же время к этой категории людей относятся представители сообществ, заряженных (или зараженных) идеологией антисистемы (Гумилев, 1993. Часть II), в частности химеры. В статье И. Р. Шафаревича «Русофобия» подробно рассмотрен актуальный в нынешних условиях тип антисистем, который И. Шафаревич называет «Малый Народ» (Шафаревич, 1991).

После катастрофы Второй мировой войны и угроз ядерного апокалипсиса, после разрушения мировой идеологической державы СССР в мире стало реальным и значимым участие в исторических процессах психологического типа консерваторов, альтернативного типу новаторов. Это люди вовсе не пассивные, люди, главной установкой которых является устойчивость, стабильность общественного устройства. Не только новаторам, но и консерваторам для реализации их общественных целей могут понадобиться пассионарии с их мощной энергией. В статье (Волконский, 2025b) обсуждается актуальная для нынешней России проблема обеспечения высоких экономических темпов в эпоху консерваторов.

⁵ После написания статьи я узнал о книге Э. Тодда (Тодд, 2024) и обнаружил выделение аналогичных периодов как стадий изменения действенности религиозной веры в обществе: стадия активности и стадия инерции.

Категории эпоха новаторов и эпоха консерваторов могут быть использованы для структурирования психоисторических процессов в качестве доминирующих установок властвующих элит. Это наглядно проявляется в настоящее время, когда угасание эпохи новаторов и рост влияния консерваторов происходят на наших глазах в США и совсем недавно произошли в России. (Такой перелом в двух мировых державах заслуженно воспринимается как перелом в общемировой истории.) В Советском Союзе под влиянием соседства богатой цивилизации Запада и его эффективной пропаганды произошел раскол элиты на диссидентов-западников (новаторы) и сторонников сохранения политико-идеологического курса — с верой в возможность его обновления в будущем (консерваторы). Победили западники. Но ненадолго: речь В.В. Путина на Мюнхенской конференции 2007 года показала, что Россия возвращается на позиции государственной суверенности. Начинаясь эпоха консерваторов.

В США установкой новаторов можно считать идеологию глобализма — установления Нового порядка на всей планете с гегемонией США. Однако инициирование многочисленных холодных и горячих войн и «цветных революций» на фоне стремительного роста Китая и Индии и восстановления суверенитета России приводило только к неуклонной утрате Америкой своих позиций глобального лидера. Это вело к расширению и усилению влияния установки консерваторов в американской элите — установке на возвращение к старым временам устойчивого роста при сохранении стабильного устройства общества. Доминирующая группировка новаторов, чтобы активизировать своих сторонников и реализовать свою новаторскую сущность, стала поддерживать любые инновации: отказ от национального государства, от семьи, от самой природы человека и прочее.

Трамп пришел к власти в период появления и усиления новых цивилизационных полюсов и их коалиций. Он объявил, что предотвратит утрату Америкой своих позиций глобального лидера. Большая часть Америки ожидает, что он восстановит и сохранит положение страны как мирового гегемона. Для этого Трамп стремится переключить внимание общества на внутренние проблемы и обеспечить устойчивость

и независимость экономики, восстановив производственные отрасли внутри страны. Другая задача, которую он должен решить для защиты от расшатывания социального и нравственного порядка в стране, — выдворение из страны незаконных мигрантов. Эту задачу он практически выполнил. Установка Трампа на прекращение войн в мире нужна ему не только для прекращения участия Америки в войнах, которое мешает восстановлению ее экономики. Трамп готов быть выразителем коллективной потребности большинства стран (возможно, за исключением группы западноевропейских), уставших от горячих и холодных войн, — потребности в стабильности и устойчивости. Страны, принявшие идеологию многополярного мира, как и большая часть Америки, ждут начала эпохи консерваторов.

К сожалению, часто невозможно однозначно установить для определенного периода доминирование новаторов или консерваторов. Трудность состоит в том, что у разных слоев общества могут быть резко различающиеся установки и ценности, и даже у одного социального слоя установки могут различаться в отношении разных проблем.

В заключение раздела приведем предположение о роли пассионариев в развязывании войн. В статье (Волконский, 2025b) было высказано предположение, что одной из причин возникновения войн является потребность пассионариев найти применение своей чрезмерной энергии и не находящих такой возможности. Чаще всего такую возможность можно найти в нагнетании враждебности к соседнему народу, доводя ее до уровня холодной, а потом, возможно, и горячей войны (см., например, Блаттман, 2024). Следует уточнить данный тезис с помощью рассмотренных социально-психологических категорий.

Первое. Для объяснения начала войны одних только хорошо осознаваемых рациональных факторов практически всегда недостаточно. Потери в войнах часто в разы превышают те возможные выгоды и преимущества, которые могут получить государства, начинающие и продолжающие многолетнюю войну. При этом уровни культуры, системы ценностей участвующих в войне сообществ вполне позволяют найти взаимовыгодное решение противоречия,

вызвавшего конфликт. Часто представляется, что дело только в недостатке информации у того или другого участника, что вместо войны можно убедить участников, что потери от войны гораздо больше, чем выигрыш от ожидаемой победы. Война — это просто не выгодно! На самом деле, чаще всего причина длительного конфликта не в недостатке информации или неспособности рационально мыслить, а в том, что люди, участвующие в конфликте обществ, разные, только различия трудно обнаружить. Дело в том, что различаются они не своими физиологическими особенностями и даже не формализованными идеологиями, а глубинами бессознательного.

Второе. Инициаторами или сторонниками развязывания войны могут быть не только пассивари, но и (возможно, даже чаще) новаторы. Пассивариям легче найти достойное применение своим способностям и установкам, чем новаторам, для которых поиск и выбор своего места в общественной деятельности концентрируется именно на переменах. Война этому условию удовлетворяет. А найти или создать идею глубокой общественной перемены в условиях мирной жизни — далеко не всегда возможно.

Стоит заметить, что исторические процессы, связанные с переменами в устройстве общества и в международных отношениях, иногда объясняют с помощью потребностей в соперничестве и в принадлежности к большому влиятельному сообществу (сопровождаясь отчуждением от иных сообществ). По моему мнению, объяснение с помощью категорий новаторов и консерваторов часто оказывается более убедительным.

В следующих разделах будут рассмотрены процессы мировой истории с выделением того влияния, которое на них оказывали психологические факторы.

Христианство и формирование цивилизации Запада

Христианская коллективная идейность сыграла решающую роль не только в развитии стран Ближнего Востока и Европы, но и в формировании нового облика всей мировой истории. Христианство внесло в мир новую доминантную установку. Ее важнейшая черта — требование к каждому быть активным, двигаться

«вверх», к новой природе человека. Эта установка на активизацию стала одной из главных черт той доминанты, которая в период капитализма и промышленной революции дала небывалый рывок и экономико-технологическому прогрессу, и всем другим секторам деятельности.

Установка на активизацию проявилась раньше других стран и оказала наиболее массовое влияние в странах Западной Европы. О. Шпенглер определял в качестве главной черты западной цивилизации деятельность, постоянную активность, преодоление всех пределов. «Жизнь важна постольку, поскольку она есть деятельность»; «Всякий западноевропейский человек чего-то требует от других. Слова „ты должен“ произносятся с полным убеждением, что здесь, действительно, возможно и должно что-то в общем смысле изменить, образовать и упорядочить» (Шпенглер, 1998, с. 541, 495).

В XIV веке началось культурное движение Ренессанса, ведущее к возвышению значимости человека, в которого сам Бог вложил частицу божественного начала. Развитие индивидуализма в общественно-экономических структурах западных стран в сочетании с установкой на максимальную активность стало серьезной причиной направления психической энергии пассивариев в развитие культуры. Формируется установка на раскрепощение творческой личности, на ее всестороннее Освобождение. Назревает противоречие индивидуализма и коллективной идейности. Эти изменения в глубинной идеологии (ГИ) сопровождаются сокращением влияния интровертов и увеличением влияния интеллектуального психологического типа.

В XVI веке появляется новая конфессия (трансформация ИФИ) в рамках самого христианства — протестантизм, которая оказывает трансформирующее воздействие на историю, сопоставимое с воздействием самого христианства. Раньше именно Церковь помогала возведению религиозной веры на высший уровень смысловой иерархии, и это освобождало от всех земных ограничений. Церковь была посредником в отношениях человека с Богом. Теперь она воспринимается как ограничитель свободы этих отношений. Каждый человек только сам, без посредников, должен определять эти отно-

шения в непосредственном общении со своим Создателем. Эти отношения становятся для него высшей ценностью. Он сам может и должен делать свободный выбор и отвечать за свои мысли и поступки. Зарождается идейность индивидуализма и либерализма — еще одна черта психологической доминанты, движущей силы экономико-технологического и общеисторического рывка Нового времени.

Э. Тодд выделяет три важнейших результата воздействия на историю протестантской идейности.

1. Быстрое по историческим меркам распространение массовой грамотности (каждый верующий должен быть способен сам читать Священное Писание).

2. Объяснение (и оправдание!) реального неравенства людей и их часто отрицательного отношения друг к другу, временами доходящего до ненависти и насилия. Основой служит доктрина изначальной предопределенности каждого человека к спасению или проклятию, которое нельзя изменить поступками и мыслями. Эта доктрина способствовала развитию следующего «парадоксального» состояния коллективной психики Запада — состояния, которое превыше всего ценит достижения прогресса и в то же время допускает идеологии и устройства общества типа расизма, геноцида наций, нацизма.

3. Активизация идеи нации, поскольку Священное Писание было переведено на местные языки (Тодд, 2024).

Но главным результатом, конечно, стало возникновение тезиса о понимании успехов человека на жизненном и деловом пути как знака божьего благоволения. Этот тезис, открытый как результат протестантизма М. Вебером, стал основой для установки на накопление капитала, установки, поднимающей деятельность предпринимателя на вершину иерархии ценностей и смыслов.

Итак, в Западной Европе наступает эпоха Модерна. Она характеризуется новым взглядом на развитие человечества, его цели и смысла. На вершине смысловой иерархии оказывается установка бесконечного развития и совершенствования, заданная еще христианством, только речь теперь идет не о глубинных качествах веры и нравственности интроверта, а об открытиях в науке и технике, увеличивающих возможности

и силу человеческой организации, и о рационально-мыслительных способностях эмпирика-экстраверта. Создается психологическая доминанта для социально-экономического преобразования общества — для перехода к формации капитализма.

Европейские идеологи стали искать и изучать цель и направление этого развития, которое получило название цивилизация. Сначала под этим термином понимали определенное состояние общества — его высший этап, следующий за дикостью и варварством. Цивилизованное общество — это общество с государственным устройством, социальным расслоением, урбанизацией, развитой письменностью и т. д. Затем цивилизация стала рассматриваться как направление процесса. А. Швейцер в работе «Философия цивилизации» (1923 г.) указал на необходимость считать важнейшим элементом цивилизации духовное и этическое развитие.

В классическом научном труде Д. Бейкера, опубликованном впервые в 1974 году, на обширном историческом материале показано, что важнейшими достижениями человеческих обществ являются их способности создавать и развивать цивилизации. Большой раздел книги (в главе 27) посвящен обсуждению понятия цивилизаций и факторам их возникновения и развития. Подробно рассматривается категория интеллекта и когнитивной (познавательной) способности как его части (Бейкер, 2015).

Вопрос определения понятия цивилизация, одного из важнейших для исторической науки, до сих пор остается дискуссионным. Насколько широк разброс определений, продемонстрировано в работах С.Д. Баранова⁶ (Баранов, 2024). В них подробно рассмотрены семь подходов к определению российской (или восточноевропейской) цивилизации, представленных в трудах разных авторов. Мы будем использовать категории западная цивилизация и восточная цивилизация, имея в виду происхождение от католическо-протестантской и православной ветвей христианства и различие западноевропейской и евразийской групп стран.

⁶ Баранов С.Д. (2025). Осевая Цивилизация. Часть первая. Основы российской идентичности // Завтра. № 22; Баранов С.Д. (2025). Осевая Цивилизация. Часть вторая. Контуры русского мира // Завтра. № 23.

В общепринятом смысле категория цивилизация понимается как накопление духовных, нравственных ценностей в результате развития общества. Переход в странах Западной Европы от общества феодального к обществу Модерна, географических открытий, капитализма и колониализма привел к замене доминирующих установок христианства к верховной ценности силы, идеологии превосходства и к отказу от пути накопления цивилизационных богатств. В России, в отличие от западных стран, сохранялись первоначальное православное учение христианства и многие другие черты отличной от Запада ментальности. Расхождение западной и восточной цивилизаций в XX веке превратилось в их политико-идеологическое противостояние, которое колеблется от сравнительно мирных до остро враждебных форм.

Колониализм, идеология превосходства, расизм

Труды по историческому материализму содержат много примеров развития и изменения глубинных установок и мировоззрения общества под влиянием экономико-технологических и политических событий и процессов. Укажем на некоторые линии такого воздействия. В XVI–XIX столетиях формировалась Британская колониальная империя. В ней раньше, чем в других странах, произошли перемены, связанные с переходом от феодального средневековья к Новому времени и капитализму. Британия по ключевым показателям стала лидером среди европейских народов.

Важным инструментом в борьбе за духовное и социально-политическое лидерство всегда была идеология превосходства над другими народами. Эта идеология базируется на потребностях и способностях человеческой психики, в первую очередь на потребностях и способностях к соперничеству и к власти. Не удивительно, что в колониальной Великобритании, с большим опытом общения с народами и племенами, находящимися на значительно более низком уровне развития, разработка интеллектуально формализованной идеологии превосходства пошла по пути расизма. Расовая теория, социальный дарвинизм, евгеника в англосаксонских государствах развивались (в теории и на практике) раньше, чем в других странах. Германская расовая теория, «расовая гигиена» (евгеника), идеология превосходства арийской

расы, которые стали идеологической основой германского нацизма, в значительной степени базировались на теоретических и экспериментальных разработках (и опробованных на практике социальных рекомендациях!) английских и американских ученых⁷.

Более неожиданным является использование англосаксонской элитой и правящим слоем США давней (появилась не менее четырех столетий назад) концепции происхождения англосаксов (элитарной группы народов, живущих на Британских островах) от народа Израиля. Англосаксы верили в эту концепцию «британского израэлизма»: она восполняла нехватку древних архетипов, которые необходимы для устойчивости глубинной идеологии. Вождь буржуазной революции XVII века О. Кромвель называл англичан «народом Бога», а Британию – «Новым Израилем». Эта концепция вполне отвечает интересам англосаксонской элиты США, где духовное пространство остается фрагментированным из-за наличия многочисленных сект и различных культурных стереотипов. Одной из наиболее влиятельных и активных национально-конфессиональных группировок являются последователи сионистского вероучения. Обеспечение «нерасторжимой» связи США с Израилем отвечает также геополитическим интересам американской правящей элиты, поскольку Израиль становится неизменным инструментом (или оружием) США в таком важном и «бурлящем» регионе, как Ближний Восток.

Концепция «британского израэлизма» – красноречивый пример использования современными правящими элитами черт и установок коллективного сознания и бессознательного в интересах своей политики.

Способность воздействовать на коллективное сознание и коллективное бессознательное активно используется властвующими группировками, включая государственные структуры, с помощью пропаганды (мягкой силы). Это группировки, обладающие возможностью управлять СМИ и другими информационными потоками. В настоящее время разработаны и применяются разнообразные методы, кото-

⁷ См., например: Катасонов В.Ю. (2025). Англосаксы и германский нацизм // Отечественные записки. № 12, 13.

рые через формирование установок сознания влияют и на бессознательные функции психики, не подвергающиеся критическому осмыслению (эмоции, страх, подчинение сверхидеи и др.). Методы и механизмы мягкой силы используются с различными политико-идеологическими целями, например: для расшатывания и раскола общественного единства противника, разрушения его национальной идентичности; для дегуманизации его авторитетных лидеров; для формирования антиобщественных групп и контрэлиты; для создания у противника новой системы ценностей, новой «правильной» идеологии, новых институтов; для создания в сознании своего общества образа врага (противника) и т. д.

В результате монопольного подчинения всех крупных СМИ и фактически всего информационного пространства контролю единого идеологического центра медийное манипулирование общественным сознанием становится важнейшим оружием гибридной войны.

Переход к миру информации с возможностями ее практически моментального распространения в любую точку пространства, разработка технологий воздействия на общественное сознание трансформировали картину взаимодействия общеисторических процессов и процессов изменения коллективной психики. Отметим одно из следствий этой трансформации. Раньше коллективное сознание и коллективное бессознательное массы обладали достаточно высокой стабильностью, так что политическая элита была вынуждена адаптироваться к этой «постоянной величине». Теперь свойства и установки коллективной психики массы стали в значительной мере «зависимой переменной», зависящей от текущих целей и возможностей элиты.

Все привыкли, что такие черты коллективной психики народа, как отношения эмпатии или антипатии к народам-соседям, формируются и изменяются только в результате длительных периодов общения или кровопролитных войн. Поэтому большое удивление вызывает распространение (буквально в течение нескольких лет!) во многих странах Западной Европы русофобии, доверия к фейковым новостям и известиям о намерении России напасть на страны Запада (вопреки здравому смыслу).

Важным результатом перемен в жизнедеятельности общества является *изменение характера войны и самого ее смысла*. Теперь большая часть военного конфликта (имеется в виду большая война) происходит в идеологической сфере. Важнейшей целью войны стал не захват территории врага, не ликвидация живой силы его армии, а признание врагом и демонстрация всему миру его морального, идеологического поражения, неспособности сопротивляться, готовности подчиниться. Иными словами, теперь цели и результаты войны — изменение не только политического, социально-экономического, институционального устройства общества противника, но и его коллективной психики.

Сходство и различие психологического облика западной и восточной цивилизаций

Как марксизм, так и концепция выхода из «мальтузианской ловушки» (см., например, Попов, 2012) показывают, как меняется классовая и институциональная структура общества при переходе от феодализма к капиталистической системе.

В XVI веке доминирующую роль в экономике играли такие отрасли производства, как сельское хозяйство и ремесленничество, и достаточно свободные рыночные отношения. В таких условиях наибольшие успехи достаются индивидуальным (семейным) хозяйствам в руках активного собственника. Препятствиями для развития индивидуального хозяйства были общинная структура хозяйства и поддерживающие ее государство и христианская идейность (находившаяся в то время в фазе консервативной инертности, как сказал бы Тодд). Возвышению нового господствующего класса буржуазии и системы рыночных отношений в экономике способствует увеличение влияния психологического типа новаторов (А.Г. Дугин: «Модерн есть отрицание Традиции» (Дугин, 2020, с. 151)) и установки на соперничество и конкуренцию. В идейность Нового времени включается ценность индивидуализма.

Поскольку индивид становится высшей ценностью, какие нравственные или духовные нормы и запреты могут ограничивать его стремление к Освобождению, к расширению своих возможностей? Индивидуализм порождает либерализм. В Западной Европе установкой новаторов становится индивидуалистический

либерализм. Идет формирование новой психологической доминанты.

В России христианство сохраняется в его первоначальной форме Православия. Несмотря на мощное влияние западной цивилизации, психологической доминантой неизменно остается государственность, которая опирается на ярко выраженную потребность в идентификации себя с сильным сообществом. Эпохи доминирования консерваторов сменяются эпохами новаторов, знаменующими радикальные переломы российской истории, — царствование Петра I и создание и развитие первого социалистического государства СССР⁸.

Развитие западной и восточной цивилизаций можно проследить по разным сферам жизнедеятельности и группам факторов. Наиболее изученной является, наверное, та группа экономических, институциональных, политико-идеологических факторов, которые участвуют в марксистской модели последовательной смены общественно-экономических формаций. В статье (Волконский, 2025а) предложен синтез модели смены формаций и концепции взаимодействия двух цивилизаций. В рамках феодализма в западной цивилизации постепенно созревают условия для зарождения новой, более эффективной формации — капиталистической. Главные черты капиталистической системы, такие как зависимость властного влияния субъекта от его богатства, распространение рыночных отношений и конкуренции, легко распространяются по странам Западной Европы, но в России они воспринимаются как негативный путь развития, как вызов со стороны Запада. Одной из причин можно считать несовместимость капиталистической системы и сопутствующей ей доминанты индивидуалистического либерализма с российской доминантой государственности и установкой на идентификацию с сообществом. В России активизируется интерес к идеологии социализма и созданию общества и экономики новой, социалистической формации. Главная часть социалистической идеологии — социальное государство, т. е. государство, целью которого является обеспечение благосостояния народа. Эта идея вполне соответствует психологической доминанте государственности.

⁸ Подробнее см. в работах (Попов, 2012; Волконский, 2024; Волконский, 2025а).

Социалистическое движение в России можно трактовать как ответную реакцию Востока на вызов Запада — по схеме А. Тойнби «вызов (challenge) — ответ (response)». Ответом Запада на распространение социализма была активизация идеологии превосходства — расового и цивилизационного — и политика с доминирующей установкой на построение однополярного мира (ОПМ) при глобальной гегемонии США. Экспансия «формации» ОПМ достигла максимального успеха, наверное, к началу 2000-х годов с разрушением Советского Союза и ослаблением России. Однако закономерность «вызов — ответ» продолжает действовать. В XXI столетии страны, не входящие в систему «коллективного Запада», получают возможность создать коалиционную систему, способную экономически, политически и идеологически противостоять экспансии Запада — многополярный мир (МПМ). С момента создания социалистического государства в России различие общественных устройств в двух цивилизациях превратилось в устойчивое противостояние, которое сохраняется до настоящего времени. Отношения между цивилизациями имеют колебательный характер: фаза сближения, нарастания их схожести сменяется фазой расхождения и отталкивания.

Каждая цивилизация разными способами получает и использует достижения и черты общественного устройства противостоящей стороны, обеспечивающие ее эффективность. Так, социалистическая Россия стремилась отказаться от использования рыночных отношений между экономическими организациями. Однако оказалось необходимым использовать элементы рыночной системы и для системы планирования, и для ценообразования, и для системы стимулирования. После катастрофы 90-х годов была создана система, которую можно определить как сочетание механизмов рынка и социального государства (важнейшая часть социалистической системы). Страны Запада еще в середине XX века после победы СССР во Второй мировой войне и успехов стран социализма вынуждены были перенять от стран Востока принцип социального государства (в качестве идеологического и институционального принципа). Институциональные и административные структуры стран Востока и Запада очень близки друг другу, производственно-технологич-

ческие уровни быстро уравниваются. Откуда же берутся инициативы, сменяющие фазу сближения на фазу отчуждения и враждебности?

Судя по массе фактов (включая закрытые материалы, ставшие известными), эти инициативы, как правило, исходят от властвующих элит западных стран. Можно предположить, что их источником является установка, доминирующая в их коллективной психике. В странах Западной Европы частью этой психологической установки является стремление к реваншу за военные поражения и неудачи в других попытках устранить Россию из круга сверхдержав. Но более важно различие психики восточных и западных властвующих элит, связанное с их происхождением и доминирующими психологическими установками. Институциональные пирамиды, иерархии власти в обществах Востока и Запада очень сходны. На вершине пирамиды небольшое число самых крупных производственно-технологических и финансовых корпораций и органов государства, которые работают, координируя друг с другом свои действия. Однако руководители и работники этих структур, обладающие реальной властью:

– в странах индивидуалистического либерализма – это люди с верховной установкой на укрепление личной власти или власти их родового клана (многие из них – наследники богатейших родов);

– в странах государственности – люди, для которых высшая ценность – общество и государство.

Это различие элит оказывается значимым в исторических процессах.

В период средневековья главной духовностью и основным психологическим фактором развития было христианство. Однако расхождение, ставшее затем основой глубокого различия западной и восточной цивилизаций, С. Аверинцев прослеживает уже у отцов церкви как предпосылку к расколу католичества и православия в X веке (Аверинцев, 2006). Оно проявляется как в сознательной части психики, в интеллектуально формализованном учении (ИФИ), так и в общем мироощущении, комплексе накопленных за столетия норм морали, смыслов, традиций, которые хранятся в бессознательном.

С переходом от средневековья к эпохе Модерна на высший уровень смысловой иерархии поднялось развитие науки и технологий. Это привело к повышению роли в обществе и в образовании психологических типов мыслительного и экстравертного (скорее всего, увеличилась и их доля в численности населения). Эта социально-психологическая тенденция, отмеченная еще Юнгом, должна была оказать обратное влияние на структуру процессов в «общем течении истории», в частности стать предпосылкой формирования капиталистической системы с общей установкой на успех в конкуренции.

Это изменение структуры психологических типов проявилось в основном в развитии западноевропейской цивилизации. На Западе человек, достигший обогащения, считает себя избранным Богом, так на него смотрят и другие. В России ничего подобного нет. На Западе на высший ценностно-смысловой уровень выходит ценность научно-технологического развития, с которым в основном связывается понятие «прогресс», более узкое, чем «цивилизация». Для русского человека научно-технологическое развитие имеет также высокую ценность, но оно не может быть высшей целью, это всё же только средство.

Опережающее развитие стран Запада по сравнению со странами Востока в научно-технологической и производственно-экономической областях принято оценивать как их превосходство, преимущество в общечеловеческом смысле. Между тем, за счет концентрации на ценностях и целях технического прогресса человек теряет (или ослабляет значение) другую важную часть своих потребностей и способностей. Отодвигаются на второй план способности любить жизнь и ее радости в «бытовом» их проявлении, привязанности и любви к ближним, которые в значительной степени освящались и возвышались мироощущением первоначального христианства. Важная черта русской культуры – высокая психологическая значимость таких ценностей, как «малая Родина», жизнь в непосредственной близости земли, растений и животных. Для русской культуры и психики более важное значение, чем для западной, имеют межличностные отношения.

Для большого количества людей быть счастливым значит любить близких людей, быть в эмоциональном контакте, единении со своей средой: не только ты сам, но и все близкие тебе люди должны быть счастливы. Основой для такого чувства эмоционального единения являются традиции, память о счастливых временах, в личной жизни — о минутах пережитого счастья. Человек, лишенный такого чувства, не может быть по-настоящему счастливым. О психологическом качестве привязанности к месту, где живешь, о смысле и ценности связей семейных, родовых, о связи между поколениями писал философ и священник Павел Флоренский. Именно в русском языке появилось понятие «малая Родина». О ценности, психологической значимости ощущения жизни на земле, среди растительного мира, в общении с животными прекрасно пишет С. Щербаков⁹.

Расхождение кодов цивилизаций наглядно проявляется в характере межличностных отношений (см., например, Касьянова, 1994). Западный человек относится к людям, не входящим в круг его близкого общения, как к любым объектам, способствующим или препятствующим его целенаправленной деятельности. А.С. Панарин использует термин «субъект-объектный» характер отношений (Панарин, 2005).

Параллельно с развитием индивидуализма идет формирование более широкой установки, отдаляющей ментальность западного человека от ментальности восточного и от первоначального (православного) христианства. Западный человек воспринимает мир разделенным на «моё» и «не-моё», чужое, т. е. неупорядоченное, куда должен быть внесен порядок, «мой» закон. Восточный человек больше доверяет установившемуся порядку, традиционному или божественному. Его главная цель — установить не свой личный порядок, а общий нравственный закон. Для него «усвоить» инородное означает «понять» его и найти систему отношений «правильную», «справедливую» с точки зрения целого, не разрушая общего (Лосский, 1990).

⁹ См.: Щербаков С. (2025). Русские огни. Как сохранить человека в современном мире // Завтра. № 33. Правда, автор делает вывод, что крестьяне, а не городские жители всегда были главными хранителями русской культуры. С этим нельзя согласиться.

Как показывают описанные черты, отличающие человека западной цивилизации (его поведение, склонности, обычаи) от человека восточного, от россиянина, — это установки коллективного сознания или даже чаще коллективного бессознательного, достаточно устойчивые, но недостаточно изученные психологами, чтобы получить статус категорий психологической науки. Эти различия выявляют и описывают историки, изучающие цивилизации. В связи с этим нельзя не остановиться на книгах О. Шпенглера.

Книга О. Шпенглера «Закат Европы» (в западных изданиях «Закат Запада») посвящена духовности западноевропейской цивилизации, или культуры, в ее сопоставлении с другими цивилизациями.

Важная черта кода западной цивилизации, которую описывает Шпенглер, — агрессивный экспансионизм, «притязание души господствовать над чужим». «Идентичность пространства и воли находит себе выражение в действиях Колумба и Коперника, равно как в действиях Гогенштауфенов и Наполеона — там и тут покорение мирового пространства. Чистое пространство фаустовской картины мира есть протяженность как действие, как преодоление, как воля к власти» (Шпенглер, 1998, с. 449).

В работе (Шпенглер, 1925) автор представляет еще одну черту кода западноевропейской цивилизации — установку на достижение важных целей «несмотря ни на что», готовность отбросить любые моральные, правовые нормы, накопленные цивилизационным развитием. Вот что он пишет о борьбе немцев и англичан после Первой мировой войны: «Примирения здесь быть не может. Дух викингов и дух монашеских орденов доведут борьбу до конца, хотя бы мир вышел из кровавых потоков этого столетия усталым и сломленным».

Заключение

В статье были рассмотрены основные теоретические гипотезы, постулаты, раскрывающие на индивидуальном и коллективном уровнях суть влияния психологических факторов на исторические процессы; приведены конкретные примеры исторических событий, во многом обусловленные именно влиянием коллективного сознательного и бессознательного. Исследование показывает, что состояние

и функционирование психической системы общества находится в постоянном взаимодействии с экономико-технологическим, политическим, институциональным и другими секторами жизнедеятельности общества. В моменты исторических переломов или борьбы общества за выживание (революции, государственные перевороты, войны) изменения в состоянии психики общества или элиты оказывают решающее влияние на исторические процессы и их результаты.

Наиболее глубокое воздействие на исторические процессы оказывает потребность и способность психики концентрировать большую часть функций, подчиняя их определенной установке, высшему ценностно-смысловому принципу — идее, задаче, учению. Эта установка становится психологической доминантой, она может быть рационально осознана, но обычно частично базируется также в бессознательном. Учение, составляющее содержание психологической доминанты для большого общества его приверженцев, — это религия или идеология иного типа.

Сохранение в течение длительных периодов достаточно стабильных условий жизни оставляет устойчивые отпечатки исторических событий и процессов в коллективном бессознательном общества (например, положительное или отрицательное отношение к соседнему народу). Однако в последнее время радикально изменилась информационная среда, в которой живут все общества, а также созданы технологии, позволяющие правящим элитам манипулировать общественным сознанием и в значительной мере коллективным бессознательным. В результате многие черты общественной психики потеряли устойчивость.

Различие цивилизаций часто описывается историками и литераторами как различие ментальности и характеров типичных членов общества (например, человек западной и человек российской культуры). Однако черты таких различий пока изучены недостаточно, чтобы получить статус категорий психологической науки, что показывает важность психоистории как для теории, так и для использования в практике геополитики и экономического планирования.

Литература

- Аверинцев С.С. (2006). Словарь // Аверинцев С.С. Собрание сочинений. Киев: Дух/Литера. 912 с.
- Балацкий Е.В. (2021). Поликаузальная концепция социальной эволюции // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 6. С. 49–69. DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.3
- Балацкий Е.В. (2024). Феномен стратегических преимуществ в XXI веке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 4. С. 39–57. DOI: 10.15838/esc.2024.4.94.2
- Балацкий Е.В. (2025). Угасание пассионарности в демографической концепции Э. Тодда // Социальное пространство. Т. 11. № 3. DOI: 10.15838/sa.2025.3.47.2
- Баранов С.Д. (2024). Цивилизация Восточной Европы (цивилизация Оси). Москва: Институт Наследия. 578 с.
- Бейкер Дж. Р. (2015). Раса. Взгляд белого человека на эволюцию. Москва: АСТ. 727 с.
- Блаттман К. (2024). Зачем мир воюет: причины вражды и пути к примирению. Москва: Эксмо. 464 с.
- Волконский В.А. (2024). Идеология государственности во взаимоотношениях между странами Востока и Запада // Экономическая наука современной России. № 4.
- Волконский В.А. (2025a). Формационно-цивилизационный синтез в изучении социальной динамики // Экономическая наука современной России. № 1.
- Волконский В.А. (2025b). Эпохи пассионариев и консерваторов и образ будущего в исторических процессах // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 2. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.2
- Гумилев Л.Н. (1993). Этносфера: история людей и история природы. Москва: Экопрос. 544 с.
- Дугин А.Г. (2020). *Politica Aeterna*. Политический платонизм и «Черное Просвещение». Москва: Академический проект. 563 с.
- Екимова Н.А., Гаганов А.Е. (2024). Геополитические альянсы в контексте феномена стратегических преимуществ // *Journal of Economic Regulation*. Т. 15. № 4. С. 31–41.

- Касьянова К. (1994). О русском национальном характере. Москва: Ин-т национальной модели экономики. 367 с.
- Костин А.Н., Голиков Ю.Я. (2017). Введение релятивной функции в состав основных функций психики // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития*. Москва: Институт психологии РАН. С. 92–100.
- Леонтьев А.Н. (1971). Потребности, мотивы и эмоции. Москва: Московский университет. 40 с.
- Леонтьев А.Н. (1983). Избранные психологические произведения: в 2 т. Москва: Педагогика.
- Лосский Н.О. (1990). Характер русского народа: в 2 кн. Москва: Ключ.
- Панарин А.С. (2005). Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. Москва: Русский мир. 432 с.
- Первин Л., Джон О. (2000). Психология личности: Теория и исследования. Москва: Аспект Пресс. 607 с.
- Попов В.В. (2012). Новый ответ на главный вопрос мировой экономической истории: почему Запад разбогател раньше, чем другие страны, и почему Китай сегодня догоняет Запад? // *Журнал новой экономической ассоциации*. № 3 (15). С. 35–64.
- Тодд Э. (2024). Поражение Запада. Москва: АСТ. 320 с.
- Шафаревич И.Р. (1991). Русофобия // Шафаревич И.Р. *Есть ли у России будущее?* Москва: Советский писатель, 1991. 556 с.
- Шпенглер О. (1998). Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1: Образ и действительность. Минск: Попурри. 666 с.
- Шпенглер О. (1925). Прусская идея и социализм. Берлин: Изд. С. Ефрон.
- Юнг К.Г. (1997). Психологические типы. Москва: Унив. книга. 716 с.
- Юнг К.Г. (1994). Проблемы души нашего времени. Москва: Изд. группа «Прогресс», «Универс». 336 с.
- Spranger E. (1921). *Lebensformen. Geisteswissenschaftliche Psychologie und Ethik der Persönlichkeit*.
- Yung K. (1967). *Mensch und Erde*, hg. Von Graf H. Keyserling. Ges. Werke VIII.

Сведения об авторе

Виктор Александрович Волконский – доктор экономических наук, профессор, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: volk-econom@rambler.ru)

Volkonsky V.A.

On Psychological Factors in Historical Processes

Abstract. One of the key driving forces behind history and the development of its subjects – peoples, social strata, and individual actors – is the functioning and evolution of their individual and collective mental systems. Psychological factors exert a profound influence on economic processes (whether the prevailing orientation is toward increasing or reducing consumption or armaments, the willingness to take risks, etc.), on the structuring of society, and so forth. Yet in historical research, and especially in Russian historical scholarship, this factor is generally given insufficient attention. The reason lies in the underdeveloped state of many problems in social psychology, as well as the limited familiarity of the academic community with this field. For several decades now, a scholarly direction known as psychohistory has been developing in Western countries, dedicated to studying the interplay between historical processes and the development of the individual and collective psyche. The article demonstrates the role of such factors as psychological attitudes and types, in particular the types of passionaries, innovators, and conservatives. It examines the capacity to concentrate and subordinate most of the states and functions of the psyche to a single center, a higher meaning-bearing principle, a dominant attitude – a capacity that lies at the foundation of religions and other ideological movements. The article explores the mutual

influence of psychological attitudes and “general historical” systems (productive-technological, socio-economic, institutional, and moral) across the eras of Christianity, modernity, and the present day. The differences between Western and Russian civilizations are examined on the basis of the distinctive features of their respective psychological systems. Psychohistorical research has significance that goes beyond theory alone. It can and must become an important tool in the elaboration of strategic plans and forecasts in such areas as the socio-economic sphere, education, defense, and geopolitics.

Key words: power, war, innovators, conservatives, passionaries, dominant attitude, the Modern era, ideology of superiority, productive-technological progress, humaneness.

Information about the Author

Viktor A. Volkonsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: volk-econom@rambler.ru)

Статья поступила 20.10.2025.